

Попрощавшись с учителем, Цзин Юнь собрался в путь, обратно в Императорскую столицу.

Он уходил налегке, не взяв с собой ничего. Возможно, сердце его еще тянулось к месту, ставшему таким родным, и он невольно оставлял здесь частичку себя, не желая, чтобы всё стерлось и померкло с течением времени.

Однако он понимал: мир, ждущий его за пределами гор, вовсе не так прост, чтобы с ним можно было легко справиться. Особенно если вспомнить его...

При мысли об этом мужчине, в воспоминаниях мягком, словно вода, Цзин Юнь непроизвольно сжал кулаки. Это он обещал идти рука об руку до самой смерти и вместе властвовать над небесами, и он же разрушил всё, чего тот достиг, и едва не лишил его жизни!

За десять лет ненависть поутихла, он научился равнодушию. Но стоило лишь вспомнить бывшее счастье, как внутри просыпалась горькая ирония, а сердце неизменно пронзала острая боль.

Вернувшись туда, он не знал, удастся ли ему когда-нибудь снова обрести покой и вернуться сюда вновь...

С тоской оглядев место, где прожил десять лет, он словно пытался навсегда запечатлеть его в своей памяти.

— Младший брат!

При виде фигуры, несущейся к нему во весь опор, уголки губ Цзин Юня дрогнули в улыбке.

Шан Чжи подбежал и замер перед ним, не сводя с него пристального, цепкого взгляда. Цзин Юнь действительно улетает. И на этот раз не на горный склон, а напрямик в ад...

— Старший брат, я ухожу.

Короткая фраза заставила глаза Шан Чжи мгновенно покраснеть, и он был вынужден неловко отвернуться.

— Знаю. Не видишь разве — пришел проводить.

— Хм, уйду — возможно, уже не вернусь... — не то чтобы он не хотел вернуться, просто знал, что пути назад не будет.

— Не говори ерунды! Ты обязательно вернешься... — неведомо почему, на душе стало тяжело и тревожно, словами этого не описать.

Цзин Юнь с улыбкой посмотрел на него, коснулся пояса и вытащил нефритовую подвеску.

— Это Нефритовая подвеска с обвивающим драконом, которую Отец-Император когда-то подарил матушке. В мире всего две таких, они составляют пару. Одна была у матушки, другая — у отца... — он с нежностью взглянул на украшение, словно вспомнив те прекрасные времена, когда их семья была счастлива. — Возьми ее себе, пусть она будет тебе напоминанием обо мне.

Глядя на подвеску, Шан Чжи вдруг ощутил необычайную тяжесть, словно Цзин Юнь вложил в его руки саму свою жизнь.

— Цзин Юнь, ты...

— Старший брат, я доверил тебе самое дорогое, что у меня есть. Береги ее, пока я не вернусь, чтобы забрать.

Шан Чжи тяжело кивнул и принял подвеску.

Цзин Юнь удовлетворенно склонил голову, грациозно взмахнул рукавом и поклонился, а затем, больше не оглядываясь, зашагал по дороге, уходящей в туманную неизвестность.

— Молодой господин, мы прибыли в Императорскую столицу.

Сразу после этих слов из кареты показалась рука — чистая, словно фарфор. Она невольно заставляла гадать, какова же красота того, кто скрывается за занавесками.

— Угу. — Голос, ясный, словно родниковая вода, коснулся слуха и проскользнул в самое сердце.

Люди с нетерпением ждали, и наконец прекрасный юноша появился из кареты, легко спрыгнув на землю.

Это был юноша лет двадцати!

Когда прохожие разглядели его лицо, то невольно ахнули. Что за неземной облик! Даже наследный принц, носивший славу второго красавца Государства Цзинсю, не мог с ним сравниться.

Его облик был легок, словно испуганная дикая гусь, грациозен, подобно парящему дракону; он сиял, как осенняя хризантема, и расцветал, подобно весенней сосне. Он был словно легкое облако, скрывающее луну, или вихрь, кружащий снежинки. Издали он казался ярким, как утренняя заря, а вблизи — нежным, как лотос, поднявшийся из зеркальных вод. Каждая черта была идеальна, фигура безупречна: плечи будто выточены, талия тонка. Длинная изящная шея, ослепительно белая кожа — он не нуждался ни в макияже, ни в украшениях.

Столь возвышенные слова, которые казались бы преувеличением даже для красавицы, подходили ему как нельзя лучше.

Все думали, что лишь легендарный Седьмой принц достоин подобных похвал, но никто не ожидал, что перед ними воочию предстанет столь ослепительное создание. Жизнь прожита не зря. При такой внешности и такой стати даже Седьмой принц, пожалуй, проигрывал ему.

Цзин Юнь не обращал внимания на изумленные взгляды, равнодушно отпустил возницу и, словно никого не замечая, направился к постоялому двору.

Позади послышался лязг доспехов, и Цзин Юнь насмешливо изогнул губы.

Так быстро узнали?

— Ваше Высочество Седьмой принц, наследный принц приглашает вас.

Он действительно Седьмой принц? Тот самый легендарный Седьмой принц?! Толпа зевак

росла: все хотели увидеть, каким стал прославленный красавец тех лет.

Мужчина, по виду военачальник, опустился перед ним на колени, а за ним — и все солдаты. В их позах читалась решимость: если он не пойдет с ними, они не отступят.

Цзин Юнь чуть приподнял брови, оглядел ошеломленных горожан и, вздохнув, решил уступить.

С его характером, если он откажется, они вполне могли пойти на убийство. Он никогда не знал, что такое милосердие, когда дело касалось достижения цели. Но сейчас он не мог этого допустить: это владения его отца, и он должен их беречь.

— Идемте. — Он равнодушно заложил руки за спину и зашагал вперед. Солдаты тут же двинулись следом, расчищая путь. С виду это походило на почетный эскорт, но на деле было настоящим арестом.

— Он пришел? — Цзин Яо расслабленно откинулся на спинку кресла, запрокинув голову и прикрыв глаза. Его длинные шелковистые волосы рассыпались по плечам, подобно водопаду.

— Докладываю Вашему Высочеству, Седьмой принц уже у ворот дворца. Как прикажете поступить?

— Пусть делает что хочет. Он наверняка сначала захочет увидеться с Отцом-Императором. — Он по-прежнему не открывал глаз, и никто не мог прочесть его истинных намерений. Слуга, не смея гадать, опустился на колени и принял приказ.

Когда слуга удалился, Цзин Яо наконец выпрямился.

Бросив взгляд на лежащие на столе доклады, он вдруг почувствовал раздражение и одним движением смахнул их на пол. От резкого движения на его белоснежном рукаве осталось чернильное пятно.

Он опасно прищурился, оторвал запачканную ткань и, убедившись, что одежда снова чиста, довольно улыбнулся.

Цзин Юнь больше всего на свете любил белое. В детстве он никогда не надевал ничего другого.

И ему самому нравилось видеть его в белом. Таким он казался невинным, словно небожитель. Тот самый Седьмой принц в белых одеждах в свое время очаровал тысячи людей. Прошли годы, остался ли он прежним? Хе-хе...

Раньше он мог лишь издали наблюдать за ним, а теперь сможет прикоснуться к настоящему.

Он накрутил прядь волос на палец и поднес к носу — аромат орхидей, его запах.

Цзин Юнь всегда говорил, что тонкий аромат орхидей высок и чист, как помыслы благородного мужа. В итоге он сам, того не замечая, начал любить этот аромат так же, как он.

Вернее сказать, он любил всё, что любил Цзин Юнь.

Теперь тот, о ком он грезил ночи напролет, был совсем рядом. Больше не нужно тосковать по вещам, напоминающим о нем.

Вспомнив что-то, Цзин Яо вскочил и поспешно направился к выходу, с сияющей улыбкой, какой не видели на его лице уже много лет. Он был похож на ребенка, получившего самую желанную игрушку, и теплая улыбка, разливающаяся по лицу, была совершенно неудержима.

Он должен сначала сходить во Дворец Юньсяо и подготовить всё так, как было, когда Юнь-эр уходил. Когда Юнь-эр увидит это, он обязательно обрадуется. Он ведь так привязан к старым воспоминаниям!

<http://bllate.org/book/21156/2144391>